

П.Н. Полевой

**История русской литературы в очерках и
биографиях**

Часть 2

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.Н. Полевой**
История русской литературы в очерках и биографиях: Часть 2 / П.Н. Полевой – М.: Книга по Требованию, 2024. –
360 с.

ISBN 978-5-458-00961-4

Новый и новейший периоды: от Кантемира и до нашего времени.5-е издание.

ISBN 978-5-458-00961-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

I.

Вліяніе эпохи преобразованій на общество и литературу. — Кантемиръ, его литературная, ученая и общественная дѣятельность. — Татищевъ, его „Завѣщаніе сыну“ и ученые труды.

Петръ Великій, въ неутомимомъ желаніи добра Россіи, старался достигнуть того, чтобы въ короткое время доставить ей возможность пользоваться плодами европейской образованности; развитію же литературы Петръ способствовалъ лишь на столько, насколько она могла быть полезна зарождающейся въ обществѣ новой жизни.

И въ литературѣ, и въ наукѣ Петръ одинаково искалъ только существенное и необходимое для жизни, и на этомъ основаніи, не прилагая особенной заботы въ возвышенію общаго уровня русской образованности, онъ, въ то же время, съ большими трудомъ и усиліями старался направить способнѣйшихъ дѣятелей къ искусственно-вызванному имъ спеціальному образованію, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на искусственно-создаваемую имъ литературную и научную дѣятельность, которая ограничивалась весьма опредѣленными и узко-утилитарными цѣлями. Въ результатъ выходило то, что ни наукѣ, ни литературѣ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, при Петрѣ, не было возможности развиться. Вме-

сто литературы, видимъ только примѣненіе литературныхъ приемовъ, какъ средства для распространенія извѣстнаго, опредѣленнаго количества идей и для достиженія извѣстныхъ опредѣленныхъ цѣлей; вмѣсто науки видимъ тоже, въ большей части случаевъ, лишь примѣненіе научныхъ приемовъ и свѣдѣній къ практической жизни. Какъ ни были важны тѣ результаты, которыхъ Петръ успѣвалъ добиться этимъ сокращеннымъ путемъ, однакоже послѣдствія показали, что этотъ сокращенный путь могъ только до нѣкоторой степени и на время способствовать достиженію главной цѣли Петра и его преобразованій, — т. е. внесенію въ Россію европейской образованности. Но до развитія у насъ умственной дѣятельности на столько, чтобы жизнь народная могла найти себѣ болѣе или менѣе полное выраженіе въ наукѣ и литературѣ — еще было далеко; очень долго не могъ у насъ въ обществѣ установиться даже серьезный взглядъ на литературу и на науку. Мало того: дѣятельность научную долгое время не отдѣляли отъ дѣятельности литератур-

ной, и собственно литературной дѣятельности въ началѣ не придавали рѣшительно никакого значенія. Положеніе и ученаго, и литератора было до такой степени ново въ періодъ, послѣдовавшій за эпохою преобразованій, что даже въ средѣ тѣхъ дѣятелей, которые посвящали себя литературѣ и наукѣ, долго не могъ выясниться правильный взглядъ на отношеніи между наукой и литературой. Многіе даже не рѣшались смотрѣть на литературу иначе, какъ на забаву, какъ на хорошее предпровожденіе времени на досугѣ, между дѣломъ... И вотъ, на пространствѣ всего періода нашей литературы, непосредственно послѣдовавшаго за эпохою преобразованій, мы замѣчаемъ одно общее явленіе: наука оказывается тѣсно связанною съ занятіями литературными, а всѣ наши литераторы до конца царствованія Елисаветы Петровны являются въ то же время и учеными. На первый планъ въ ихъ дѣятельности выступаетъ наука, большею частью въ примѣненіи къ практикѣ, и только свои досуги посвящаютъ они литературѣ. Таковы были всѣ первые писатели наши, послѣ Петра: Кантемиръ, Татищевъ, Тредіаковский и самъ гениальный Ломоносовъ. Таковъ былъ, наконецъ, и первый изъ свѣтскихъ писателей нашихъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, Теофанъ Прокоповичъ, небрегавшій возможностью посвящать литературѣ минуты отдыха. Выше мы уже упоминали о тѣхъ литературныхъ и дружескихъ связяхъ, въ которыхъ онъ находился съ Кантемиромъ и Татищевымъ; въ настоящей главѣ переходимъ къ возможно-полной характеристикѣ этихъ двухъ писателей нашихъ, которыхъ литературная дѣятельность была прямымъ слѣдствіемъ эпохи преобразованій.

Князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ родился въ Молдавіи въ 1708 году, и ему было не болѣе трехъ лѣтъ отъ роду, когда отецъ его, Дмитрій Кантемиръ, бывшій господаремъ молдавскимъ, перешелъ на сторону Россіи во время несчастнаго Прутскаго похода, и потому самому долженъ былъ, съ семьей своею и съ 4,000 молдаванъ, перебраться вслѣдъ за русскимъ войскомъ въ Россію. Здѣсь принялъ онъ русское подданство, выговоривъ себѣ отъ Петра нѣкоторыя особыя права и преимущества, между прочимъ, дозволеніе „сыновей своихъ

послать для наукъ въ знатныя города и нныя христіанскія страны“.

Самъ Дмитрій Кантемиръ, судя по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ числѣ которыхъ сохранился между прочимъ и отзывъ о немъ самого Петра, былъ человѣкъ разумный и не только образованный, но даже ученый. Любовь къ научнымъ занятіямъ не оставляла его до конца жизни, и большую часть своего времени, послѣ переселенія въ Россію, гдѣ онъ получилъ обезпеченное и спокойное положеніе, онъ провелъ въ кабинетныхъ занятіяхъ. Петръ пользовался не разъ его совѣтами и помощью въ сношеніяхъ своихъ съ Востокомъ, и во время похода въ Персію, въ 1722 году, бралъ съ собою Кантемира, какъ человѣка, обладавшаго основательнымъ знаніемъ двухъ восточныхъ языковъ: турецкаго и персидскаго. Извѣстно даже, что на пути въ Персію, во время плаванья на судахъ по Волгѣ, Кантемиръ везъ съ собою походную типографію и занятъ былъ печатаньемъ на этихъ языкахъ прокламацій, которыя предназначаемы были къ распространенію на Кавказѣ.

Мать Антиоха Кантемира, гречанка изъ знатнаго рода Кантакузеновъ, находившихся въ родствѣ съ императорами греческими, была также женщина замѣчательнаго ума и образованія. На ней-то собственно и лежала забота о воспитаніи дѣтей, за которыми она зорко и строго наблюдала, при помощи ученаго грека-священника, Анастасія Кондонди, который жилъ въ домѣ князя Кантемира, въ качествѣ наставника при дѣтяхъ, и обучалъ ихъ греческому, латинскому и итальянскому языкамъ.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, юный Антиохъ Кантемиръ дома приобрѣлъ такое образованіе, какое для другихъ оказывалось въ то время почти недостижимымъ. Еще будучи десятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ уже на столько владѣлъ древними языками, что сказалъ однажды, въ присутствіи Петра, похвальное слово св. Дмитрію на греческомъ языкѣ: это происходило въ церкви, при московской академіи, гдѣ онъ нѣкоторое время учился, во время пребыванія отца его въ Москвѣ. Когда-же, по смерти первой своей супруги, отецъ Антиоха женился на второй женѣ, знаменитой красавицѣ, княжнѣ Трубецкой, выросшей и воспитывавшейся въ Швеціи на европейскій ладъ, всей семьѣ

Кантемировъ пришлось переѣхать на житье въ Петербургъ. Незадолго до этого переѣзда ученый Анастасій Кондоиди, понадобившійся Петру для перевода книгъ, былъ взятъ изъ семьи Кантемира, и мѣсто его заступилъ русскій воспитатель, Иванъ Ильинскій, бывшій студентъ московской академіи. Съ этого-то времени, вѣроятно подлѣ влияніемъ русскаго воспитателя, господствовавшее въ домѣ греческое направленіе образованія уступило мѣсто русскому направленію; къ тому-же, достоверно извѣстно, что самъ Ильинскій, какъ одинъ изъ „латынщиковъ“, обладая общею всѣмъ воспитанникамъ московской греко-латинской академіи страстью къ стихамъ, сумѣлъ передать ее и воспитаннику своему, Антиоху Кантемиру, которому рано понравилось „виршеслагательство“.

Вскорѣ послѣ переѣзда въ Петербургъ, Антиоху Кантемиру и новому воспитателю его, Ильинскому, пришлось сопутствовать царю въ персидскомъ походѣ и совершить переѣздъ черезъ всю Россію до Астрахани и Дербента; а весьма-немного времени спустя, послѣ персидскаго похода, отецъ Антиоха заболѣлъ и умеръ въ своемъ малороссійскомъ помѣстьѣ. Такъ какъ ни одинъ изъ сыновей, по несовершеннолѣтію, не имѣлъ еще права наследовать князю Дмитрію, то князь Дмитрій и оставилъ завѣщаніе, въ которомъ просилъ самого царя распорядиться его состояніемъ и прибавлялъ отъ себя, что „успѣхи въ наукахъ должны рѣшиться, кому владѣть наследствомъ“, а рѣшеніе должно послѣдовать тогда, когда всѣ братья придутъ въ совершеннолѣтіе. При этомъ отецъ особенно выставлялъ Антиоха, и называлъ его „въ умѣ и наукахъ отъ всѣхъ сыновей своихъ лучшимъ“. На образованіе дѣтей князь Дмитрій, въ завѣщаніи своемъ, указывалъ выдавать ежегодно по 3,000 руб., и просилъ государя оказывать имъ такую милость — послать ихъ для окончанія образованія „въ чужія страны“.

На этомъ основаніи, не много спустя послѣ смерти отца, шестнадцатилѣтній Кантемиръ сталъ проситься у царя за границу, для окончанія своего ученія; но просьба его, почему-то, оставлена была Петромъ, противъ всякаго ожиданія, безъ исполненія, и молодому человѣку пришлось оканчивать образованіе свое въ Петербургѣ, уже послѣ смер-

ти самого Петра, подлѣ руководствомъ первыхъ прибывшихъ въ Россію академиковъ: Бернулли ознакомилъ его съ высшей математикой, Байеръ — съ исторіей всеобщей, Гроссъ — съ нравоучительной философій.

Восемнадцати лѣтъ Кантемиръ уже рѣшился надать въ свѣтъ первый литературный трудъ свой: „Симфонію на псалтырь“. Симфонія была напечатана въ 1727 году, съ предисловіемъ, въ которомъ объяс-

А. Антиохъ Кантемиръ

Кантемиръ.

нялась цѣль книги: авторъ высказывалъ въ немъ желаніе принести практическую пользу тѣмъ, кто любилъ ссылаться на изреченія Библии. Этотъ трудъ юности поэта свидѣтельствуетъ о томъ религіозномъ настроеніи молодого Кантемира, которое составляло и въ теченіе всей послѣдующей жизни одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ его характера, несмотря на то, что онъ сильно вооружался противъ современныхъ ему церковныхъ настроеній и въ своихъ сатирахъ очень рѣзко отзывался о нѣкоторыхъ представителяхъ современнаго духовенства и о недостаткѣ образованности въ низшихъ слояхъ его.

Нѣсколько времени спустя, Кантемиръ поступилъ на службу въ Преображенскій

полкъ, и, вѣроятно, около того же времени сблизился съ кружкомъ Теофана. Оба эти образованнѣйшіе представители современнаго русскаго общества не могли не одѣннить другъ друга. Сблизивше Кантемира съ Теофаномъ, не смотря на разницу въ лѣтахъ, скоро обрадилось въ тѣсную дружбу Кантемиръ не былъ человѣкомъ, способнымъ принадлежать къ какой бы то ни было партіи; ни по лѣтамъ, ни по взглядамъ своимъ не могъ онъ сочувствовать интригамъ и борьбѣ, волновавшимъ тогда все общество. Но тягостныя обстоятельства вскорѣ вынудили и благодушнаго Кантемира избрать себѣ партію и горячо отстаивать ея интересы. Въ концѣ царствованья Петра II, когда вся власть находилась въ рукахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, братъ Кантемира Константинъ женился на дочери одного изъ „верховниковъ“, князя Дмитрія Михайловича Голицына, и воспользовался этимъ случаемъ для приведенія въ исполненіе завѣщанія Кантемира-отца. Зять князя Голицына, Константинъ Кантемиръ, овладѣлъ всѣмъ имѣніемъ отца (болѣе 10,000 душъ крестьянъ). Антіохъ, вмѣстѣ съ остальными братьями и сестрами, остался безъ всякихъ средствъ къ существованью, кромѣ весьма скуднаго офицерскаго жалованья. Такая грубая несправедливость, поставившая Кантемира въ затруднительное положеніе, глубоко потрясла его, и заставила его стать на сторону той партіи, которая, противно желаніямъ верховниковъ, возвела на престолъ Анну Иоанновну „безъ всякихъ ограниченій ея власти“. Верховники погибли; отъ переворота и паденія верховниковъ, на первыхъ порахъ кое-кто и выигралъ; къ числу немногихъ принадлежалъ Теофанъ Прокоповичъ, набавившійся отъ наиболее опасныхъ враговъ своихъ, и Кантемиръ, которому возвращена была нѣкоторая часть его состоянія. Наконецъ, въ 1731 году, при могущественномъ содѣйствіи сынаго въ то время при дворѣ князя Черкаскаго и другихъ лицъ восторжествовавшей партіи, двадцати-двухъ-лѣтній Кантемиръ, котораго Черкасскій прочилъ себѣ въ вятя, былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ.

До отъѣзда своего въ Лондонъ, Кантемиръ успѣлъ уже написать пять сатиръ, нѣсколько басенъ и посланій, и хотя ни одно изъ этихъ литературныхъ произведеній не было

напечатано, однакоже, обращаясь въ рукописи по рукамъ, они уже приобрѣли молодому автору довольно почетную извѣстность въ образованной средѣ современнаго русскаго общества. Почему Кантемиръ посвятилъ себя сатирѣ и сосредоточилъ на ней всю свою дѣятельность литературную—этотъ вопросъ объясняется для насъ не столько простою склонностью автора къ извѣстному литературному роду, не столько влияніемъ классическихъ и французскихъ образцовъ (сатиръ Горація и Буало), сколько влияніемъ того переходнаго времени, въ которое приходилось жить и дѣйствовать Кантемиру. Мы дѣйствительно видимъ, что сатира чаще всего проявляется въ литературѣ именно въ такіе періоды реформъ и переломовъ, переживаемые обществомъ, когда старый и новый порядокъ вещей рѣзко противопоставляются одинъ другому.

Эпоха преобразованій, весьма естественно, и въ нашей образованной средѣ вызвала къ жизни направленіе сатирическое, и выразителемъ его явился молодой Антіохъ Кантемиръ, выказавшій много остроумія и наблюдательности въ своихъ сатирахъ. Изъ числа 9 сатиръ, пять написаны въ бытность Кантемира въ Россіи, четыре остальные—во время пребыванія его за границей.

Первая въ числѣ этихъ девяти была „сатира на хулящихъ ученіе“, въ которой авторъ, обращаясь „къ уму своему“, съ особенною горечью высказываетъ ту мысль, что современное ему общество не нуждается ни въ занятіяхъ наукою, ни въ занятіяхъ искусствами, такъ какъ есть много другихъ путей къ славѣ. Въ доказательство этой мысли, авторъ рисуетъ въ своей сатирѣ отдѣльные типы представителей современнаго ему общества, выводя ихъ подъ вымышленными именами Критона, Сильвана, Лукки и Медора и поочередно заставляя ихъ высказывать взглядъ на науку и образованность, съ ихъ личной точки зрѣнія. Типы эти, вѣроятно взятые авторомъ изъ современной дѣйствительности очерчены очень ярко и естественно, и дадутъ намъ довольно ясное понятіе о положеніи писателя и ученаго въ современномъ обществѣ (особенно такого писателя, какъ Кантемиръ); вполне совпавшая недостатки того общества, среди котораго онъ жилъ, и, въ то же время, стремясь принести ему посильную пользу, онъ

имѣлъ полное право сказать о себѣ: „все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданимъ моимъ вредно быть можетъ“

Во второй сатирѣ, павѣстной подъ заглавіемъ „Филаретъ и Евгений“ или „на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“, Кантемиръ описываетъ дворянскую спѣсь и притязанія дворянъ на получение высшихъ должностей безъ всякаго труда, по однимъ заслугамъ предковъ. Въ этой сатирѣ Кантемиръ является горячимъ защитникомъ введенной Петромъ I „табели о рангахъ“, которую Петръ хотѣлъ именно положить предѣлъ сословнымъ притязаніямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыть доступъ талантливымъ труженикамъ изъ низшихъ слоевъ общества съ высшимъ должностямъ государственной службы.

Въ третьей сатирѣ, „о различіи страстей человеческихъ“, авторъ, въ формѣ посланія, обращается къ архіепископу новгородскому, Феофану Прокоповичу, и задаетъ ему вопросъ:—почему именно люди, вообще столь близкіе другъ къ другу и похожіе по внѣшности, въ то же время бываютъ подвержены столь различнымъ страстямъ? Обращеніе къ Феофану даетъ намъ довольно ясное понятіе о томъ высокомъ уваженіи, которое питалъ къ нему Кантемиръ.

„Дивный первосвященникъ, которому сила
Вышей мудрости свои тайны всѣ открыла,
И вси твари, что міръ сей отъ вѣка наполняютъ,
Показала, въ злоныи, отъ чего бываютъ!
Феофанъ, которому все то дано отъ знати,
Здрава человека умъ что можетъ поняти!
Скажи мнѣ, можешь-ли ты, всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожъ и въ немъ духъ, природа
Она-ли нитъ различа надѣляла страсти,
Боторыя одолѣть уже не въ лѣтъ власти,
Или другой ключъ тому ручью искать нужно?“

За этимъ обращеніемъ слѣдуетъ, какъ и въ первой сатирѣ, рядъ типовъ, заимствованныхъ изъ современной дѣйствительности, и между ними особенно рѣзко выступаетъ на первый планъ типъ скупца Хриппа, мота Клеарха и болтливаго хвастуна Лонгина.

Четвертая сатира „къ Музѣ своей“, „объ опасности сатирическихъ сочиненій“, заключаетъ въ себѣ любопытный сборъ различ-

ныхъ толковъ и мнѣній о сатирахъ Кантемира и ихъ авторѣ, возбуждавшихся весьма естественно въ современномъ обществѣ, для котораго вообще появленіе свѣтской литературы и свѣтскихъ писателей было дѣломъ новымъ, непривычнымъ, почти невиданнымъ. Вотъ почему авторъ и обращается къ Музѣ своей и говоритъ:

„Муза! не пора-ли слогу отгнѣнить твой грубый,
И сатиры ужъ не писать? Многимъ тѣ не любя,
И ворчить ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Такъ мѣшавсь, и кажу себя черезъ чуръ смѣла.
...Муза, свѣтъ мой! слогу твой мнѣ творцу ядовитый;
Кто всѣхъ бить нахалится, часто живетъ битый;
И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ,
Часто слезъ надателя причина бываютъ.
Знаю, что правду пишу, и пишу не аначу, ¹⁾
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу;
Да правда рѣдко любя, и часто не котаги.
Кто-же отъ тебя когда хотѣлъ правду знати?“

И затѣмъ, перечисливъ различные отзывы недоброжелателей о сатирахъ своихъ, Кантемиръ совѣтуетъ своей Музѣ лучше начать хвалить что ни пошло, лучше пріучиться въ лестн, нежели всѣхъ вооружать противъ себя строгими отзывами:

„Есть о чемъ писать, была-бъ лишь къ тому охота,
Было-бъ кому работать,—безъ конца работа;
А лучше вѣкъ не писать, чѣмъ писать сатиру.
Что приводитъ въ ненависть меня всему міру“.

Но авторъ замѣчаетъ, что его Муза стыдится такого занятія; что она не даетъ ему никакой возможности кого бы то ни было хвалить не по заслугамъ, и сознается, что и по самой природѣ онъ чувствуетъ въ себѣ, подъ вліяніемъ Музы, болѣе склонности къ сатирѣ, нежели ко всѣмъ остальнымъ литературнымъ родамъ:

...когда хвалы принимаю
Писать, когда, Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу, и тру лобъ вопотѣмъ,
Съ трудомъ стиха два сплету, да и тѣ не спѣмъ,
Жестки, досадны ушамъ...
...А какъ въ нравахъ вредно что усмотрю...
...Подъ перомъ стихъ течетъ скоряе
Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плаваю. ²⁾
И что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставляю...
... Однимъ словомъ, сатиру лишь писать намъ
сходно,
Въ другомъ неудачливъ...

¹⁾ „Не значу“—въ см. „не обозначаю, не называю“.—²⁾ „Плаваю“—въ см. „плаваю“.

Вотъ почему, чувствуя это, авторъ рѣшается, не обращая вниманія на отъѣвы людей злонаправныхъ, продолжать свою сатирическую дѣятельность — „злой нравъ пятнать вездѣ неотступно“ — въ той надеждѣ, что „безадабные“ оцѣнятъ его желаніе принести пользу отечеству.

Мы нарочно обратили особенное вниманіе на эту четвертую сатиру Кантемира, такъ какъ въ ней совершенно ясно высказывается его личный взглядъ на собственную литературную дѣятельность.

Остальныя сатиры Кантемира менѣ замѣчательны и менѣ оригинальны, нежели тѣ четыре, которыя упомянуты нами выше. Въ нихъ Кантемиръ обращаетъ вниманіе на „человѣческія злонравія вообще“; налагаетъ свои мысли о воспитаніи, указывая на необходимость воспитывать гражданъ, которые бы способны были проникаться не личными, а общими интересами.

Болѣе всего важною для характеристики Кантемира, какъ человѣка и писателя, является намъ его шестая сатира, написанная имъ въ 1738 году. Но о ней нельзя говорить, не упомянувъ о нѣкоторыхъ біографическихъ подробностяхъ. Выше уже говорили мы, что Кантемиръ въ 1731 году былъ назначенъ посломъ въ Лондонъ; въ началѣ 1732 г. онъ выѣхалъ изъ Россіи — и болѣе уже не возвращался: до самой смерти пришлось ему прожить за границей, сначала посломъ при англійскомъ дворѣ, а потомъ, съ 1738 года, при французскомъ. Все время, проведенное имъ за границей, было для него самымъ тяжкимъ и труднымъ періодомъ его жизни, потому что ему, при незначительныхъ средствахъ, получаемыхъ отъ правительства, при новости положенія русскаго посла среди европейской дипломатіи и придворной жизни, постоянно приходилось отстаивать честь и достоинство Россіи. При этомъ все время Кантемира уходило на дѣла посольскія, а также и на хлопоты по исполненію тѣхъ порученій, которыми весьма не деликатно обременяли посла то русскіе друзья и знакомые его, то наиболѣе вліятельные изъ русскіхъ вельможъ. Только при необычайной усидчивости Кантемира и при его великомъ рвеніи къ наукѣ и къ занятіямъ

литературнымъ, онъ могъ находить, среди своего дѣла, досугъ и для этой дѣятельности, которая являлась ему отдыхомъ и усладой послѣ тягостей дѣятельности дипломатической. Не даромъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ своимъ стихотвореніямъ, онъ говоритъ: „если бы изъ цѣлыхъ сутокъ одну четверть часа на письмо употребляли, то бы отъ того малаго труда въ годъ не мала книга произойти могла: непрерывный трудъ. сколько ни маловремени, весьма скоръ“ И дѣйствительно, мы видимъ, что и среди весьма тревожной дѣятельности дипломатической. Кантемиръ не оставлялъ занятій науками и поэзіей: переводилъ Анакреона и Юстина, перевелъ сочиненіе Фонтенеля „о множествѣ міровъ“ и статью Альгароти „о свѣтѣ“, сносился съ петербургской академіей, занимался математикой и чтеніемъ своихъ классическихъ авторовъ. И въ Лондонѣ, и въ Парижѣ выписывалъ онъ себѣ книги изъ Россіи, слѣдилъ тщательно за скромными успѣхами русской литературы и науки. Ознакомившись съ разсужденіемъ Тредіаковскаго о русскомъ стихосложеніи¹⁾, Кантемиръ и этого вопроса не оставилъ. не обследовавъ и не рассмотрѣвъ его очень внимательно. Однакоже, онъ не принялъ новой теоріи Тредіаковскаго, можетъ быть потому, что Тредіаковскій не въ состояніи былъ подтвердить ее на практикѣ хорошими стихами. Кантемиръ не отдалъ преимущества тоническому стиху передъ силлабическимъ и удовольствовался лишь тѣмъ, что нѣсколько видоизмѣнилъ свой силлабическій стихъ. Онъ понялъ, что опредѣленная послѣдовательность удареній, дѣйствительно, сообщаетъ русскому стиху больше гармоніи, а потому и рѣшился создать нѣчто среднее между тоническимъ и силлабическимъ размѣромъ. Стихъ его сатиры состоялъ изъ тринадцати слоговъ, раздѣленныхъ цезурою на двѣ части. Онъ нѣсколько измѣнилъ его въ томъ отношеніи, что не только далъ опредѣленное мѣсто цезурѣ (между седьмымъ и восьмымъ слогами), но и допустилъ еще въ каждой части, отдѣленной цезурою, по одному, рѣзко-замѣтному ударенію; въ первой части, изъ семи слоговъ, это удареніе должно было падать на пятомъ или на седьмомъ слогѣ, во второй — непременно на предпо-

¹⁾ См. далѣ главу II, стр. 17.

слѣднемъ. Новую теорію стиха своего онъ примѣнилъ впервые къ шестой своей сатирѣ (1739 г.). Сатира эта озаглавлена: „о истинномъ блаженствѣ“ — и въ ней-то, съ замѣчательною вѣрностью и правдой, изложенъ взглядъ Кантемира на то, что въ теченіе всей жизни представлялось ему идеаломъ счастья. Сатира эта начинается такъ:

„Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ
доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ волея
Мыслей, что мучать другихъ, и топчетъ надежду
Стезя добродѣтели къ концу неизбежна.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ
Кто даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣ-бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему
праву
Выбравшимъ, въ лишны часы прогнать скуки
бремя,
Гдѣ-бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латны,
Исследуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учаща звать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно влѣ
любезно:—
Желанья всѣ мои крайни составляетъ“.

Въ этихъ немногихъ строкахъ шестой сатиры заключается вся нравственная философія, какою онъ руководился въ теченіи всей жизни, мало волнуясь всѣмъ, что составляло для другихъ главную цѣль ихъ желаній, умѣренный во всемъ и способный выше всего цѣнить только одно благо—независимость убѣжденій и спокойствіе совѣсти. Даже и среди неумолкаемо-шумнаго, блестящаго Парижа, Кантемиръ сумѣлъ себѣ создать мирный и укромный уголокъ, сумѣлъ окружить себя избраннымъ кружкомъ ученыхъ друзей, среди которыхъ находилъ себѣ отдыхъ отъ своей тяжелой полевой службы. Эта служба, наконецъ, истощила и безъ того уже слабое его здоровье. Не задолго до своей смерти, онъ просилъ у Двора позволенія оставить свой постъ при французскомъ дворѣ и даже получилъ разрѣшеніе отправиться въ Италію — но уже не успѣлъ имъ воспользоваться.

Ровно за годъ до своей кончины Кантемиръ собралъ свои стихи въ одну тетрадь, написалъ къ нимъ необходимыя пояснительныя примѣчанія, и рѣшилъ ихъ напеча-

тать. Сюда же прибавилъ онъ и стихотвореніе „къ стихамъ своимъ“, въ которомъ весьма опредѣленно высказываетъ тотъ взглядъ на свою литературную дѣятельность, который мы уже отмѣтили выше, какъ преимущественно принадлежащій всѣмъ писателямъ нашимъ XVIII вѣка „Многіе“ — говорятъ въ этомъ стихотвореніи Кантемиръ — „будутъ хулить меня, читая мои стихи, за то, что

„... въ такомъ я трудѣ упражнялся,
Ни возрасту своему приличною, ни чину...“

и находить нужнымъ прибавить къ этому, въ оправданіе своей литературной дѣятельности, что

„... (стихи) не ущербил
Ни малый къ дѣламъ частъ важнѣйшимъ и нужнымъ“.

Такъ же мало значенія придаетъ Кантемиръ своимъ стихотвореніямъ и въ томъ „письмѣ къ другу“, которое предпослалъ своимъ сатирамъ, вмѣсто предисловія; тамъ онъ даже прямо выражаетъ ту мысль, что вообще ему мало пришлось написать, такъ какъ онъ, по своей должности, не имѣлъ времени къ такому дѣлу, къ которому только въ лишніяхъ часахъ „прѣлжати позволено“.

Къ небольшому кругу тѣсно-связанныхъ съ Теофаномъ образованнѣйшихъ дѣятелей, вызванныхъ петровской реформой, принадлежалъ и Василій Никитичъ Татищевъ (род. въ 1686, ум. 1750 г.). Здравый, наблюдательный и острый умъ, обширное образованіе, а главное, одинаковость возрѣвній на эпоху преобразованій, все сближало Татищева съ Прокоповичемъ. Сверхъ того, мы видимъ въ Татищевѣ человека, который и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ также шелъ рука-объ-руку съ партией Прокоповича: въ переворотѣ 1730 года Татищевъ, вмѣстѣ съ юнымъ Кантемиромъ, дѣйствовалъ заодно съ Прокоповичемъ противъ „верховниковъ“ и во всю остальную жизнь свою не отступилъ отъ своихъ убѣжденій; въ самомъ завѣщаніи своему сыну онъ еще повторялъ ему:—„съ хвалищими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ“.

Образованіе удалось Татищеву приобрести отчасти въ Россіи, отчасти за границей, гдѣ онъ дважды побывалъ и пожилъ довольно долго. Одинъ изъ біографовъ Татищева полагаетъ, что Татищевъ или до поступленія его на службу, или послѣ того, учился въ московской артиллерійской и инженерной школахъ, находившейся въ завѣдываніи Брюса. „На это“, по мнѣнію біографа, „указываютъ хорошія свѣдѣнія Татищева въ артиллеріи и фортификаціи, и устройство имъ школъ на заводахъ, отчасти по образцу московской; наконецъ и то, что онъ такъ охотно принималъ на службу при заводахъ учениковъ московской артиллерійской и инженерной школы“. Свѣтлый, практической и глубокой умъ Татищева, въ связи съ той желѣзною волею, которою онъ обладалъ, далъ ему возможность въ короткое время приобрести большой запасъ свѣдѣній и такую обширную начитанность, что очень немногіе изъ его современниковъ, кромѣ развѣ Θεофана, могли быть поставлены съ Татищевымъ на одинъ уровень по образованности. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что любознательность часто влекла Татищева въ подробное изученіе и такихъ отраслей знанія, которыя, повидимому, не имѣли никакого отношенія къ его дѣятельности. Такъ, на примѣръ, подобно многимъ другимъ изъ своихъ современниковъ, увлекался вопросами религіозными, вопросами о значеніи первыи въ обществѣ и объ отношеніи православнаго вѣроповѣданія къ остальнымъ, Татищевъ такъ много прочелъ богословско-философскихъ и догматическихъ сочиненій, такъ отлично выучилъ св. Писаніе, что даже съ самимъ Θεофаномъ дерзалъ вступать въ богословскія пренія.

Большая часть жизни Татищева протекла на службѣ, и притомъ на службѣ трудной, требовавшей и ума, и твердости, и обширныхъ знаній. Татищевъ служилъ сначала въ артиллеріи, потомъ по горнымъ заводамъ и подъ конецъ былъ губернаторомъ въ Астрахани. Рано сдѣлался онъ лично извѣстенъ Петру, какъ человекъ пригодный

ко всякому дѣлу и обширно-образованный. „Оклеветаніе злодѣевъ“ (т. е. враговъ), по словамъ самого Татищева, чуть-чуть не подвергло его опалѣ и гнѣву Петра. Въ то время, когда, незадолго до смерти, Петръ вызвалъ Татищева съ екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ въ Петербургъ, Татищевъ былъ обвиненъ передъ Петромъ во ваяточничествѣ. На вопросъ Петра, справедливо ли обвиненіе, Татищевъ смѣло отвѣчалъ: „я беру; но въ этомъ ни предъ Богомъ, ни предъ Вашимъ Величествомъ не погрѣшаю“—и началъ рассуждать, что судья не виновать, если рѣшить дѣло, какъ слѣдуетъ и получить за это благодарность; что вооружаться противъ этой благодарности вредно, потому что тогда въ судьяхъ уничтожится побужденіе посвящать дѣламъ время сверхъ узаконеннаго и проиждеть медленность въ рѣшеніи дѣлъ, тяжкая для судящихся. Петръ отвѣчалъ: „правда; но позволить этого нельзя, потому что безсовѣстные судьи, подъ видомъ добродѣтельныхъ подарковъ, станутъ насильно вымогать“. Откровенность Татищева и рекомендація его начальника по горнымъ заводамъ, Геннина, ¹⁾ избавили Татищева отъ грозы, собиравшейся надъ его головою; но понравиться Петру онъ не могъ, хотя Петръ, сознавая за нимъ большія способности и обширныя знанія, конечно, не преминулъ воспользоваться имъ, какъ полезнымъ дѣтелемъ. Онъ отправилъ его въ Швецію, для призыва мастеровъ, потребныхъ къ горнымъ заводамъ. При отъѣздѣ, Петръ поручилъ Татищеву осмотрѣть „заватныя строенія, работы, горныя промыслы, заводы, денежное дѣло, кабинеты, бібліотеки и особенно каналъ Обигскій; достать, по возможности, всему чертежи и описанія; взять изъ школъ молодыхъ русскихъ людей и раздать въ Швецію по заводамъ, для наученія горному дѣлу“; при этомъ дано было ему и секретное порученіе: „смотришь и осведомляться о политическомъ состояніи, явныхъ поступкахъ и скрытыхъ намѣреніяхъ Швеціи“. Татищевъ возвратился изъ этого путеше-

¹⁾ Рекомендація эта сама по себѣ заслуживаетъ вниманія: „... къ тому дѣлу (т. е. горному) лучше не искать, какъ капитана Татищева; я надѣюсь, что В. В. изволите мнѣ въ томъ повѣрить, что я онаго Татищева представляю не въ пристрастіи, не изъ любви или какой витриги, или-бъ чьей ради просьбы—я и самъ его рожу калмыцкой не люблю—но видя его въ дѣлѣ весьма права, и въ строеніи заводовъ смыслена, рассудительна и прилежна.“

ствія уже послѣ смерти Петра. Это вторичное путешествіе за границу, а также и частыя поѣздки его по Россіи и Сибири значительно способствовали развитію въ немъ наклонности къ занятію науками историческими. Поводомъ къ занятію Русской Исторіей послужило представленіе, сдѣланное Брюсомъ Петру Великому о необходимости составить подробную географію Россіи. Петръ поручилъ Брюсу заняться этимъ дѣломъ, а Брюсъ, въ 1719 г., передалъ работу Татищеву, отъ котораго Петръ потребовалъ плана работы. Припавшись за работу, Татищевъ, по собственному сознанию, почувствовалъ необходимость въ историческихъ свѣдѣніяхъ, и, отложивъ на время географію, принялся собирать матеріалы для исторіи.

Извѣстно, что уже въ 1720 году Татищевъ говорилъ съ Петромъ о планѣ своемъ, касательно сочиненій русской географіи и также о необходимости размежеванія Россіи и составленія общей карты ея. Впослѣдствіи всѣ досуги свои отъ тяжелой, многосложной и хлопотливой служебной дѣятельности Татищевъ посвятилъ на выполненіе двухъ любимыхъ мыслей Петра: на собраніе матеріаловъ по русской исторіи и по русской географіи. Географіи Татищевъ не успѣлъ окончить; что же касается русской исторіи, то ему удалось обработать ее довольно полно, въ пяти объемистыхъ книгахъ. Здѣсь особенно подробно разработалъ онъ древнѣйшій періодъ русской исторіи, до нашествія татаръ, а затѣмъ составилъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій до царствованія Феодора Ивановича. Сверхъ того, въ началѣ труда своего, Татищевъ помѣстилъ обзоръ русскихъ лѣтописныхъ сказаній и общее вступленіе, въ которомъ говоритъ о народахъ, обитавшихъ въ Россіи до поселенія въ ней славянъ, на основаніи источниковъ, представляемыхъ иностранными литературами по этому предмету. Трудъ Татищева не былъ наравнѣ при жизни его: лѣтъ 30 спустя послѣ его смерти, онъ былъ напечатанъ по повелѣнію Екатерины II подъ общимъ заглавіемъ „Исторія Россійской, чрезъ тридцать лѣтъ (т. е. въ теченіи 30 лѣтъ) собранной и описанной“ Не смотря на то, что авторъ выказалъ въ этомъ трудѣ большую ученость и весьма обширную, замѣчательную и разнообразную начитанность, не смотря на то, что онъ показалъ въ немъ и весьма здравый критическій

тактъ, на основаніи котораго принималъ или отвергалъ то или другое изъ приводимыхъ имъ извѣстій,—„Исторія Россійская“ все же не можетъ быть названа исторіею Россіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ мы привыкли понимать ее въ нынѣшнее время: это не болѣе, какъ приуготовительная, хотя и весьма почтенная работа надъ историческимъ матеріаломъ, въ смыслѣ его разработки для другихъ будущихъ трудовъ историческихъ, до которыхъ еще было далеко.

Гораздо болѣе важнымъ для характеристики современнаго Татищеву періода является другое литературное произведеніе

Татищевъ.

его: „Духовное завѣщаніе и наставленіе сыну Евграфу“, написанное Татищевымъ въ 1733 году. „Духовное завѣщаніе“ есть ничто иное, какъ общій сводъ правилъ житейской мудрости, въ примѣненіи къ современнымъ Татищеву общественнымъ потребностямъ и взглядамъ. Многое изъ того, что заключаетъ въ себѣ завѣщаніе, вовсе не относится къ сыну, а вообще внесено ради полноты свода правилъ, въ назиданіе всему молодому поколѣнію. Вотъ почему „Духовное завѣщаніе“ Татищева представляется намъ не болѣе, какъ послѣднимъ отголоскомъ тѣхъ „наказаній“ или „наставленій отъ отца къ сыну“, которыми такъ богатъ былъ древній періодъ нашей литературы, и которыя нашли себѣ такое полное выраже-

ніе въ подобномъ же памятникѣ XVI вѣка— въ „Домостроѣ“ попа Сильвестра.

Татищевъ начинаетъ свое „Духовное завѣщаніе“ съ сознанія своей грѣховности и съ приведенія различныхъ свидѣтельствъ св. Писанія, вообще касательно грѣховъ и пороковъ молодости, обыкновенно выказывающей менѣе склонности къ сознанію и раскалянью, нежели старость „Егда же человѣкъ приблизится къ старости“, говоритъ Татищевъ, „или скорби, болѣзни, бѣды, напасти и другія горести усмирять плоть его, тогда освобождается духъ отъ порабощенія, ометется умъ его и приметъ власть надъ волею, тогда познаетъ неистовство и пороки юности своей, и начнетъ прилежать о приобрѣтеніи истиннаго добра, прилежать о знаніи закона Божія“... Переходя отъ этихъ общихъ разсужденій къ себѣ лично, Татищевъ дѣлаетъ распоряженія относительно погребенія своего „безъ великихъ чиновъ и убранствъ по закону христіанскому“, и наконецъ излагаетъ свой взглядъ на жизнь, касаясь сначала религіознаго, умственного и нравственнаго воспитанія въ молодости, отношеній къ родителямъ, къ женѣ и семейству, а потомъ государственной службы— военной, гражданской и придворной; наконецъ, говоритъ о томъ, какъ слѣдуетъ распоряжаться богатствомъ, управлять дѣлами и деревнями.

Любопытно то, что Татищевъ, который между современниками своими, приверженными къ старинѣ до-петровской, слылъ за вольнодумца, выказывается намъ въ самомъ началѣ своего „Завѣщанія“ не только глубоко-религіознымъ человѣкомъ, но и признающимъ религію за основу всѣхъ свѣдѣній человѣческихъ, всего воспитанія. Онъ говоритъ, что наставлялъ въ вѣрѣ сына своего частыми и пространными разговорами, и все совѣтуетъ ему, сверхъ того— „поучаться въ законѣ Божьемъ день и ночь даже до старости: для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, т. е. біблію и кате-

хизисъ, а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго (сочиненія) главное мѣсто имѣютъ, Василия Великаго, Григорія Назианзина, Афанасія Великаго и Теофилакта Болгарскаго; также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за катехизисъ, а малая букварь или юности честное зеркало за лучшее правоученіе служить могутъ“¹⁾.

Послѣ чтенія религіознаго, Татищевъ совѣтуетъ сыну своему озаботиться болѣе всего о знакомствѣ съ науками свѣтскими: сперва слѣдуетъ выучиться „право и складно писать“; потомъ заняться арифметикой, геометрией, артиллеріей, фортификаціей и другими математическими науками; слѣдуетъ обратить вниманіе и на изученіе нѣмецкаго языка. На свои матеріалы и бумаги Татищевъ указываетъ сыну, какъ на единственное средство къ изученію русской исторіи и географіи; при этомъ онъ замѣчаетъ, что привести ихъ въ порядокъ и напечатать „безъ помощи государя никакъ не можно“. Какъ на важную часть образованія Татищевъ указываетъ на необходимость изучать отечественные законы, не только по печатнымъ указамъ и уложеніямъ, но также изъ бесѣдъ о законахъ съ искусными въ законахъ людьми, по поводу собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ. Надобно знать и „абадническія коварства“, чтобы при случаѣ умѣть отъ нихъ защититься.

Любопытнымъ признакомъ новаго времени является и слѣдующее мѣсто „завѣщанія“, гдѣ Татищевъ говоритъ о почтеніи къ родителямъ: „хотя я съ матерью твоею нѣкоторымъ приключеніемъ разлучился, чрезъ что наше обѣщаніе брачное нарушено, но тебѣ нѣтъ въ томъ ни малой причины къ нарушенію твоей должности. И если ты попадѣшься на то, что матери тебя, по слабости женской, наказать по достоинству

¹⁾ Здѣсь упоминается о книгахъ духовнаго содержанія, изданныхъ по повелѣнію Петра и особенно ненавистныхъ сторонникамъ старинѣ: о катехизисѣ, вѣд. Ф. Прокоповичемъ, о букварѣ, изданномъ имъ-же, и о книгѣ, изд. въ 1719 г.: „Юности честное зеркало“, или показаніе ко житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ, пользовавшееся въ свое время большимъ почетомъ. Въ составъ этой книги входили: изображеніе древнихъ и новыхъ писемъ славянскихъ печатныхъ и рукописныхъ; правила отъ св. писанія, по алфавиту выбранныя; числа церковныя, арабскія и римскія; наконецъ „Зерцало житейскаго обхожденія“— собраніе правилъ, какъ себѣ держать въ обществѣ.